

К. С.
АКСАКОВ

Узбранное

Константин Сергеевич Аксаков «Разговор» Ив. Тургенева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685365

Аннотация

«Всякое сколько-нибудь замечательное или сильное явление имеет своих, часто неудачных подражателей. В последнее время нашей литературы Лермонтов был таким явлением и также увлек за собою многих неудачных подражателей; к их числу принадлежит и г. Тургенев, сочиняющий, подобно Лермонтову, и в стихах, и в прозе...»

Константин Сергеевич Аксаков «Разговор» Ив. Тургенева

Всякое сколько-нибудь замечательное или сильное явление имеет своих, часто неудачных подражателей. В последнее время нашей литературы Лермонтов был таким явлением и также увлек за собою многих неудачных подражателей; к их числу принадлежит и г. Тургенев, сочиняющий, подобно Лермонтову, и в стихах, и в прозе. Перед нами теперь его небольшое стихотворение «Разговор», написанное размером «Мцыри». Постараемся передать читателям содержание этого сочинения, написанного вяло, не имеющего ни одного такого места, которое бы захотелось выписать. Дело вот в чем: старик, который называется здесь отшельником, живет один в пустынном месте; про него говорится, между прочим, следующее:

И озарились слегка
Немые губы старика
Под длинной белой бородой
Улыбкой грустной, но живой.

(стр. 3)

Вдруг является молодой человек, и разговор начинается.

Пришлец говорит несколько в духе героев Лермонтова; но здесь не видать только таланта сего последнего. Он (молодой человек) представитель уже нового поколения. Разговор идет о любви, и здесь в параллель любви старика, уже не современной, рассказывает молодой человек свою. В этом рассказе выражается ясно (впрочем, только одни буквы, один чисто голословный смысл заставляет догадываться о направлении) тот холодный, с виду красивый и сильный, но в сущности жалкий, гнилой и бесплодный эгоизм, который являлся в некоторых произведениях Лермонтова, выдвинутый всею силою его необыкновенного таланта. Но, как слаба копия! особенно, если вспомнить оригинал, в котором столько дарования, столько красот поэтических. Стихи не то чтобы дурны, — тогда в них был бы какой-нибудь характер, какая-нибудь выразительность, — но они решительно ни хороши, ни дурны, бесцветны и безвкусны, пресные стихи! Какое пустое и скучное и жалкое вместе впечатление производят сильные, или лучше претендующие быть сильными, страсти, высказываемые вяло. Выпишем для образца несколько стихов:

Едва желанное вино
К моим губам поднесено —
И сам я, сам, махнув рукой,
Роняю кубок дорогой.
Когда ж настал прощальный миг —
Я был и сумрачен и тих...

Она рыдала... видит бог:
Я сам тогда понять не мог:
Зачем я расставался с ней...
Молчал я... в сердце стыла кровь —
Молчал я... но в душе моей
Выла не жалость, а любовь.
Старик, поверь – я б не желал
Прожить опять подобный час...
Я беспощадно разрывал
Все, все, что связывало нас...
Ее, себя терзал я... но
Мне было стыдно и смешно,
Что столько лет я жил шутя,
Любил забывчивый покой
И забавлялся, как дитя,
Своей причудливой мечтой...
Я с ней расстался навсегда —
Бежал, не знаю сам куда...
Следы горячих, горьких слез
Я на губах моих унес...

(стр. 7–8)

Хотя разговор идет преимущественно, о любви, но потом он переходит к другому: старик, наконец, спрашивает: неужто же молодой человек только и делал, что любил? неужто же подвиг, общество не занимали его никогда? На это молодой человек дает ответ, довольно устарелый, то есть, что люди очень худы и что он людям чужд; он исчисляет этих

людей довольно подробно. Вообще, заодно можно поблагодарить молодого человека, что он называет тревоги свои пустыми. В самом деле, что за человек, который более всего (как в этом стихотворении) толкует о любви (то есть о любви к женщине), как бы он ни толковал о ней? Конечно, он очень, очень еще молод, моложе, нежели думал представить автор своего молодого человека; он слабое, мечтательное явление, как бы твердо и грубо ни отталкивал бедную женщину, лишая ее своей любви. Только тогда человек становится крепким и действительным, только тогда становится он мужем, когда поймет себя, как живую часть в живом целом, когда поймет себя в общем, одним словом, когда сознает себя в народе и вместе живую связь свою с ним не только как гражданин государства, но как человек земли; без этого он сухой эгоист или слабое и иногда мечтательное создание. Этого не знает, этого не понимает молодой человек, в стихотворении выставленный; положение его жалко и пробуждает участие; бедное, бедное тепличное растение! Наконец, дело, кажется, объясняется: молодой человек обращается к предкам и говорит (что, впрочем, нисколько не возражает на слова наши и не извиняет его: сказанное нами остается в крепкой силе):

Теперь я вопрошаю вас,
О, предки наши! что для нас
Вы сделали? Скажите нам:
«Вот, нашим доблестным трудам
Благодаря, – смотрите – вот

Насколько вырос наш народ...
Вот несомненный, яркий след
Великих, истинных побед!»
Что ж? отвечайте нам!..

(стр. 37)

Что же предки? Предки молчат, и конечно, мудро им, кажется, отвечать, если за них берется отвечать г. Тургенев. Это нам напоминает один анекдот о католических итальянских проповедниках, о том, как поступают они, желая опровергать Вольтера или Лютера: они обыкновенно становятся перед собою шапку и говорят: «Положим, что это Лютер», – тут начинаются доказательства, опровержения, вопросы. «Ну, что ты скажешь на это? – говорят они в заключение, – ты молчишь?» Бедная шапка-Лютер молчит в самом деле, – и проповедники торжествуют. Так точно и с нашими бедными предками. «Скажите нам, – говорит г. Тургенев, – что ж, отвечайте нам?» – Но он отвечает или лучше не отвечает, молчит сам за них. Все можно так осудить на молчание, когда вдруг какая-нибудь отдельная личность решит в пределах себя самой важный вне ее лежащий вопрос; она может быть вполне удовлетворена и возвестить об этом печатно, если ей угодно, как поступает здесь г. Тургенев; он возвещает, что предки ничего не сделали, а между тем лежат кучи томов, заключающих в себе их живое слово, множество деяний народных хранится в памяти нашей, много глубокой мысли лежит и теперь в началах жизни на-

рода. Но что до этого, что до этой тяжести событий! Трудно и могущественно двигаются они и выходят на свет; легко решает отдельная личность; в народе является только то, что необходимо и существенно, глас народа – глас божий; а личности не запрещено говорить, что ей думается, ей никто не мешает и не может мешать, именно и потому, что слова ее, как личности, бессильны и ничему также не мешают. Да, это легкомысленное и (на сей раз по крайней мере) бесталанное направление видим мы в стихотворении «Разговор», странно, однако, это какое-то спокойное отрицание древней жизни предков; странно, если говорить об этом серьезно. Это указывает нам на обширную литературную теплицу, где искусственный жар выгоняет многие бледные растения, не говоря о том, что производит он много незначительной, пустой травы, мха и плесени; теплица губит растения, может быть, твердо и крепко в другом образе возникнувшие бы на родной почве, под открытым небом, на чистом воздухе. Не знаем, впрочем, погибло ли что в таланте автора, но во всяком случае его стихотворение «Разговор» произведение тепличное.